

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ
(Иркутский МИОН)

**Миграции и диаспоры
в социокультурном, политическом
и экономическом пространстве Сибири
Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков**

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор
В.И. Дятлов

Иркутск
Отгиск
2010

Формы самоорганизации китайских мигрантов и хуацяо во второй половине XIX – начале XX в.

В истории китайской эмиграции XIX в. занимает особое положение. Во-первых, резко увеличилось число покидающих страну. В 1850-х гг. ежегодно выезжало около 50 тыс., а в 1870 гг. уже 155 тысяч. Отмена в 1893 г. запрета на заграничные путешествия, официальное признание поселений хуацяо усилили миграционные процессы. В 1890 - 1910 гг. Китай ежегодно покидало около 335 тыс. человек². Во-вторых, изменились маршруты эмигрантов. Если в предшествующий период китайцы обосновывались в Азии, то с 40-х гг. XIX в. началась их массовая миграция за ее пределы³.

Как минимум пять стран Тихоокеанского региона (Российская империя, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия) столкнулись с китайской миграцией. Несмотря на свои глубокие различия, их сближали религиозный (христианство) и расовый (оппозиция белый - цветной) факторы. Середина XIX в. была для них временем освоения и обживания новых земель. В середине XIX в. США и Канада прочно обосновались на берегах Тихого океана, Россия продвигалась на Амур и в Уссурийский край. Неслучайно Владивосток, Хабаровск, Портленд, Сиэтл, Ванкувер были основаны в период с 1840 по 1860 г., а Калифорния стала штатом США в том же году, когда русские впервые подняли свой флаг в устье Амура (1850). Европейское сообщество возникло в Австралии раньше, но золотая лихорадка 1851 г. в Новом Южном Уэльсе стала тем катализатором, который привел к ускорению роста поселений⁴.

Во второй половине XIX – начале XX в. в этих странах появились китайские, японские (а в России и корейские) мигранты. В результате, белые европейские политики и простые граждане/подданные, зачастую сами вчерашние мигранты, оказались вынуждены жить бок о бок с выходцами из цивилизационно отличающейся конфуцианско-буддийской Восточной Азии. Вскоре во всех этих странах были артикулированы возникшие проблемы. Кратко их можно сформулировать так: китаец – это Другой; китаец не ассимилируется; с китайцем невозможно конкурировать; китайцы хорошо

¹ Нестерова Елена Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета.

² Encyclopedia of Diasporas: Immigrant and Refugee Cultures Around the World. V. 2. /Ed.: Ember M., Ember C. R., Skoggard I. Boston: Springer, 2005. P. 69.

³ Daniels R. Asian America: Chinese and Japanese in the United States since 1850. Seattle, L., 1998. P. 10.

⁴ Habecker D. E. Russian urban administration and the Chinese, Koreans and Japanese in Vladivostok, 1884-1922. Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. 2003. P. 10-11.

организованы, поэтому приходится иметь дело не с отдельно взятым человеком, а с организацией. Все это актуализирует проблему «желтой опасности».

Можно выделить несколько факторов, способствовавших созданию подобной ситуации. Во всех странах происходил численный рост китайцев¹, некоторые сферы деятельности оказались либо монополизированы, либо в значительной степени сосредоточены в их руках²; работодатели отдавали предпочтение дешевому китайскому труду³; в городах возникают чайнатауны, жизнь в которых плохо поддается контролю. В чем причина жизнеспособности и успешности «китайской прививки»? В данной статье рассматриваются основные кластеры (сегменты) сообществ хуацяо (по Л.В. Криссману) и те формы социальной организации китайцев, которые облегчали процесс адаптации мигрантов к новой среде.

Меняем оптику: сообщество или сообщества хуацяо в городах?

При описании китайской эмиграции и анализе китайских сообществ за границей используется критерий этнической принадлежности. Для удобства в качестве единицы анализа берется сообщество китайцев. В своей знаменитой статье Л.В. Криссман показал, что критерий этнической принадлежности является удобной аналитической категорией, однако заграничные китайцы имели и имеют более сложную многоуровневую идентичность, делают много различий между собой, и соответствующая этническая принадлежность является относительной и ситуативной. Китайское сообщество в городах нельзя рассматривать как гомогенное, оно

¹ В 1900 г. в США насчитывалось 90 тыс., в Приамурском генерал-губернаторстве 51801 китайский мигрант (Скрозникова В.А. Китайцы США // Расы и народы – 1990. М., 1990. С. 228; Сорокина Т.Н. Китайская иммиграция на Дальний Восток России в конце XIX – начале XX в. // Исторический ежегодник. Омский гос. ун-т. Омск, 1999. С. 20).

² В Калифорнии в 1870 г. 57,3% всех рудокопов, в 1880 г. около 70% сезонных сельскохозяйственных рабочих составляли китайцы. К 1866 г. половина всех сигаретных фабрик, а к 1870 г почти все прачечные в Сан-Франциско принадлежали китайцам. На Дальнем Востоке китайские рабочие, занятые в золотодобывающей промышленности, в 1906 г. составляли 20%, а 4 года спустя – 82,7%. (Бирюков В.И. Китайцы в США и американо-китайские отношения на современном этапе. М., 1983. С. 11, 14; Sigelbaum L. H. «Yellow Peril»: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // Modern Asian Studies. 1978. Vol. 12, part 2. P. 325).

³ В середине 80-х г. китайцы на строительстве дока во Владивостоке получали не более 85 коп. в день (русские рабочие - 1-1,5 рубля). Часто китайские рабочие соглашались работать за зарплату на 20 – 50% , а то и на 70% меньше, чем русские рабочие соответствующей специальности (Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в: дис. . . . д-ра. ист. наук. Владивосток, 1998. С. 269).

состоит из различных сегментов¹, важнейшими из которых, являются объединения по месту происхождения, языковой (диалектарной) принадлежности, роду занятий, тождественности фамилий. Мигранты в Юго-Восточную Азию, а затем и в США, Австралию, Канаду, как правило, были выходцами из двух провинций Гуандуна и Фуцзяни. В начале XIX в. переселение в северную Маньчжурию финансировались торговцами из Шаньси, уже обосновавшимися в Южной Маньчжурии². По всей вероятности, первая волна поселенцев состояла, прежде всего, из шаньсийцев. К концу XIX в. большинство иммигрантских групп происходило из Шаньдуна и Чжили. На российский Дальний Восток прибывали уроженцы или жители Южной Маньчжурии, провинций Шаньси, Шэньси, Шаньдун, Чжили³.

Общим местом стал тезис о диспропорции половой структуры мигрантов. Перед Первой мировой войной женатые эмигранты обычно оставляли жен и детей дома под присмотром своих матерей. Многие холостяки возвращались домой на короткий срок, чтобы жениться на девушках, выбранных родителями⁴. Во Владивостоке, согласно переписи, проведенной 13 марта 1883 г., на 2419 мужчин-китайцев приходилось 9 китаянок⁵. В 1900 г. в Хабаровске проживало 2100 китайцев и 7 китаянок, в том же году женщины составляли только 20% от китайской общины в Сингапуре. Перед Второй мировой войной в Маниле на 6 китайцев приходилась одна китаянка⁶. Вплоть до Первой мировой войны сообщества хуацяо называют сообщества холостяков. Анализ ситуации усложняется, если будет учтена «региональная оптика», так как существовали различия в соотношении мужчин и женщин в диалектарных группах. Так, в Сингапуре в 1880 г. практически не было хайнаньских женщин, в кантонской общине женщины составляли 3 процента, а в общинах чаошаньской диаспоры (восток провинции Гуандун), выходцев из Фуцзяни и хакка, их численность составляла от 7 до 10 процентов.

Гендерный дисбаланс, по мнению Криссмана, проливает свет на характер китайской миграции. Китайцы выезжали за границу не

¹ Crissman L. W. The Segmentary Structure of Urban Overseas Chinese Communities // *Man, New Series*. 1967. Vol. 2, No. 2. P. 190.

² Lee R.H.G. The Manchurian Frontier in Ch'ing History. Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, 1970. P. 98 – 99.

³ Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток, 1973. С. 35.

⁴ Crissman L. W. *Op. cit.* P. 187.

⁵ Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России. Вторая половина XIX — начало XX в. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 231.

⁶ Crissman L. W. *Op. cit.* P. 186; Жуков А.М. Китайцы в Хабаровске // Третьи Гродековские чтения. Хабаровск, 2001. Ч. 1. С. 56.

потому что хотели начать там новую жизнь, они покидали родные места под давлением обстоятельств. Отъезд из дома рассматривался как временная мера, позволяющая заработать денег, поддержать материально семьи на родине и разбогатевшим вернуться. Достаточно вспомнить популярный сюжет лубочных картин: «Разбогатевший на чужбине возвращается в родной дом»¹.

Родственные и земляческие узы, подкрепленные экономическими выгодами, были настолько сильны в старом Китае, что потомки лиц, осевших в городах, веками продолжали считать себя уроженцами первоначального места обитания семьи. Тот же принцип действовал и в отношении хуацяо. На родине их продолжали рассматривать как членов общины. Их членство передавалось сыновьям, рожденным за границей, а они в свою очередь передавали его своим сыновьям. Это патрилинейное наследование деревенского членства привязывало к Китаю тех людей, которые никогда не видели страну своих предков². Акцентируя внимание на том, что сохранение актуальности происхождения (места исхода) является одной из существенных черт китайских сообществ за границей, Криссман отмечал важную роль диалектарных различий. Среди выходцев из провинций Гуандун и Фуцзянь можно выделить как минимум пять больших диалектарных групп (носители диалектов хакка, фуцзяньского, кантонского, чаочжоу, хайнаньского). Подобная языковая дифференциация, пусть и в меньшей степени, актуальна и для китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке.

Тот или иной диалект, говор были связаны с определенной областью, округом, а иногда и более мелкой единицей – деревней. Эти речевые отличия обеспечивали обособление более мелких сообществ в пределах групп, выделявшихся по месту исхода. Причем, как отмечает Криссман, такое деление бывает очень дробным – речевые сообщества могут дробиться на сегменты, основанные на округах или группах округов, которые в свою очередь сегментировались на основе меньших территориальных единиц вплоть до деревни.

Достаточно часто среди эмигрантов из южных провинций, где традиционно была сильна клановая система, формировались объединения, основанные на общности фамилии. Они воспринимались как привычные объединения родственников, хотя на деле обычно реального родства не было³. Иногда подобные отношения возникали не на индивидуальном, а на групповом уровне. Между группами людей, носящими разные фамилии, устанавливались подобные ква-

¹ Малявин. Китайская цивилизация. М., 2000. С. 156.

² Crissman L. W. Op.cit. P. 186.

³ Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1986. С. 18.

зиродственные отношения, основанные на договоре побратимства, заключенном в далекой древности.

Прослеживается отчетливая тенденция: эмигранты отправлялись в те места, где уже обосновались их земляки. Это подтверждают, в частности, и немногие доступные нам биографии китайских предпринимателей на русском Дальнем Востоке.

Зачастую наблюдается монополизация того или иного вида деятельности выходцами из определенного места: в Пномпене плотники и механики — кантонцы, сапожники и торговцы традиционными лекарствами — хакка, владельцы ресторанов и гостиниц — хайнаньцы. Практически вся оптовая и розничная торговля в городах и деревнях Маньчжурии сосредотачивалась в руках шаньсийцев¹. Часто эта специализация не имеет никакого отношения к региональной специализации в Китае, занятия, монополизированные носителями определенной диалектарной группой в одном месте, в других местах могут быть монополизированы другими. Таким образом, к сегментированию по географическому, языковому принципу может быть добавлено еще и профессиональное.

Крисман отмечает, что в некоторых случаях все китайское сообщество едино и выступает вместе, в других же ситуациях различные объединения могут действовать друг против друга как самостоятельные субъекты. Противники в одном являются союзниками в другом². При изучении китайской диаспоры необходимо учитывать все эти факторы. Это может существенно скорректировать представления о структуре и внутреннем устройстве общин хуацяо.

¹ Среди шаньсийцев традиционно было развито занятие торговлей. Чуть ли не каждая вторая-третья семья в Шаньси так или иначе была связана с торговлей. «Сфера деятельности шаньсийских дельцов охватывала практически всю страну — от Монголии до Гуандуна, от Цзинани до Цинхая. Их корпорации (сибан) активно действовали . . . в северных провинциях и Маньчжурии» (Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — нач. XX в. М.: Вост. лит., 2005. С. 210). Л. Шренк, посетивший Маньчжурию и Амурский край в 1855 — 1856 гг., отмечал, что шаньсийцы — предприимчивые, практичные и ловкие люди, завладевшие, благодаря своей неутомимой деятельности, всею мелочной и оптовой торговлей в городах и деревнях Маньчжурии». При этом он отмечал, что шаньсийцы «лишь редко и неохотно поселяются навсегда в Маньчжурии» (Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т. 1. СПб., 1883. С. 63). Спустя почти 20 лет это наблюдение подтверждает Я. Барабаш: «Шаньсийцы, ловкие торговцы, овладели всею оптовой и мелочной торговлей, по городам и деревням, и поставили маньчжуров, в этом отношении, в полную от себя зависимость. Они чаще принадлежат к временным обитателям Маньчжурии» (Барабаш Я. Сунгарийская экспедиция 1972 года // Военный сборник. 1874. № 2. С. 323). За шаньдунцами и чжилийцами закрепились репутация умелых земледельцев. Тот же Шренк писал: «Шаньдун, Чжили доставляет Маньчжурии по большей части трудолюбивых, способных и навсегда в ней оставшихся хлебопашцев и ремесленников» (Шренк Л. Указ. соч. С. 63). И опять почти слово в слово подтверждает Я. Барабаш: «Чжилийцы и в особенности шаньдунцы, опытные земледельцы, захватили земледелие в свои руки, а также всю городскую и сельскую промышленность. (. . .) Эти переселяются в Маньчжурию навсегда» (Барабаш Я. Указ. соч. С. 323).

² Crissman L. W., Op. cit. P. 193.

Китайцы на родине: формы социальной организации в конце XIX — начале XX в.

Изучая структуру городских поселений хуацяо, Криссман сделал важное наблюдение: несмотря на то, что они подвергались сильно-му ассимиляционному давлению, можно выделить сходные способы самоорганизации. Это дает возможность описать китайские городские сообщества Юго-Восточной Азии, Северной Америки и России в терминах одной и той же модели. Однообразие модели свидетельствует, что формы социальной организации городских хуацяо создавались в Китае, а затем адаптировались в зависимости от местных условий¹.

Действительно, с развитием внутренней колонизации и урбанизации в Китае происходят существенные изменения в структуре расселения: люди, покидая перенаселенные районы, отправляются на новые места. При этом вырабатываются институциональные формы, методы и способы самоорганизации, способные помочь мигрантам в решении возникающих проблем. Рассмотрим их более предметно, опираясь на базовые организационные принципы (общность места исхода; общность профессии; общность фамилии², общность языка (говора, диалекта)).

Отличительной особенностью китайского общества является многочисленность различных социальных объединений, пронизывающих его как по вертикали, так и по горизонтали.

Традиционная социальная структура Цинского Китая в общем виде может быть описана формулой: родовая и служилая знать плюс система ши-нун-гун-шан. Помимо сословной и этнической дифференциации, существовала клановая система, многоступенчатая система организации цехогильдий, торговых и ростовщических хуэйгуаней, тайных обществ (хуэйданов) и религиозных сект (цзяо-мэнь).

Власть в государстве была сосредоточена в руках гражданской бюрократии, комплектовавшейся из знатоков конфуцианства, мыслившегося как основа, обеспечивавшая гармоничное существование общества. Чтобы стать частью сословия ши, человек должен был успешно сдать экзамены. Будучи своеобразным «социальным лифтом», экзамены обеспечивали не только социальную, но и географическую подвижность. Остальное население делилось на земледельцев (нун), ремесленников (гун), торговцев (шан). Крестьяне, составлявшие большинство

¹ Crissman L. W., *Op. cit.* P. 185.

² Wing Chung Ng, *Urban Chinese Social Organization: Some Unexplored Aspects in Huiguan Development in Singapore, 1900-1941* // *Modern Asian Studies*. 1992. Vol. 26. № 3. P. 477.

населения, считались основой государства, их труд был социально одобряем. Торговцы, занимая низшую ступень, всегда находились «под подозрением двора как люди, наживающиеся на труде простых людей, но все же они не считались вовсе бесполезными для общества, поскольку способствовали «обращению товаров в Поднебесной»¹. Однако идеальная модель противоречила потребностям реального общества, где торговля была важным элементом в экономике. Богатый торговец зачастую обладал большей властью, чем зажиточный земледелец, хотя последний и мыслился основой государства.

В ходе миграций вырабатываются формы, методы и способы самоорганизации. Чаще всего торговые, ремесленные, торгово-ремесленные ассоциации мигрантов представлены в виде: банов (ассоциации взаимопомощи); хуэйгуаней (huiguan) («Здания собрания») – формирования, в основе которых лежит критерий общности географического происхождения ее членов (Tongxiang); гунсо (gongsuo) («Общественные залы») – организации, базирующиеся на общности профессии (tongye). С конца XVIII в. возникающие объединения мигрантов все чаще стали именовать гунсо (gongsuo), а не хуэйгуань. Это название акцентирует внимание на общности занятия, а не на общности географического происхождения его членов. Однако иногда эти термины могут использовать как синонимы².

Бань представляли собой землячества, организованные по принципу ремесленного цеха или землячества торговцев-посредников, маклеров и комиссионеров³. По мнению Вин Чуна именно бан является первичной, базовой формой самоорганизации мигрантов, а возникновение других ассоциаций – региональных, фамильных, профессиональных – есть результат дальнейшей сегментации⁴. По китайским представлениям любой мигрант оставался представителем своей семьи и родной округи и должен был рано или поздно вернуться домой. Бан был явлением, заметным в китайском обществе и дома, и за границей. В зависимости от уникального субэтнического состава сообщества бан мог обозначать коллективную идентичность и социально-экономическое объединение группы мигрировавших торговцев и/или чернорабочих. Члены бана были выходцами из определенной территории, которая могла включать

¹ Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2000. С. 144.

² Kwang-Ching Liu. Chinese Merchant Guilds: An Historical Inquiry // *The Pacific Historical Review*. 1988. Vol. 57, No. 1. P. 13.

³ Непомнин О.Е. Указ.соч. С. 188.

⁴ Wing Chung Ng. *Ibid.* P. 472.

всю макрообласть, ее часть, провинцию, или конгломерат различных префектур и районов¹.

О.Е. Непомнин указывает, что основное отличие банов от хуэйгуаней - отсутствие во владении первых постоянного двора, подворья². Рассмотрим эти типологически сходные организации более подробно на примере хуэйгуаней.

Хуэйгуань³ - легальная организация, основной задачей которой являлась помощь в решении проблем, возникающих у мигрантов (пусть даже речь идет о внутренней миграции). Членом каждой такой ассоциации мог быть выходец (только мужчина) из определенной местности Китая, постоянно или временно проживающий вне своей малой родины. Местным населением такие мигранты воспринимались как чужие.

Самые ранние хуэйгуани, созданные образованными людьми (учеными, литераторами), возникли в Пекине в период правления императора Юнлэ (1403–1424). К концу династии Мин хуэйгуани начали появляться за пределами Пекина. Причем они уже создавались не только образованными людьми, но и торговцами, ремесленниками, квалифицированными рабочими, чернорабочими и даже крестьянами⁴. Эта тенденция получает развитие и в эпоху Цин.

Цю Пэншэн (Qiu Pengsheng) рассматривает процесс «оформления» хуэйгуаней в Сучжоу следующим образом: «заинтересованные отдельные ремесленники и купцы собирают коллег по признаку общего места происхождения, религиозных убеждений, осознающих необходимость помогать друг другу, и формируют группу. Они организуют сбор средств для найма (покупки) места для встреч и ищут способы установить связи с местной администрацией. На втором

---

¹ Там же. P. 472.

² Непомнин О.Е. Указ. соч. С. 188-189.

³ Тип организации, название которого на русский язык переводят и как землячества, и как гильдии. В европейских языках используются термины fellow-regional association, Landsmannschaften, guild, по-китайски их наиболее часто называют хуэйгуань (会馆) (Huiguan, hui-kuan), хуэйфан (hui-fang), гунхуэй (kung-hui), гунсо (kung-so), хуэйсо (hui-so), цзяо (chiao), цзяохуэй (chiao-hui), гунхуэй (kung-i hui). Термин хуэйгуань (huiguan) уже в XVIII в. использовался торговцами-земляками для названия их собственных ассоциаций в Пекине и других городах. Впервые термин «Landsmannschaft» для описания китайских гильдий использовал Д. Макгован в работе "Китайские гильдии или торговые палаты и тред-юнионы (Подробнее см.: Kwang-Ching Liu. Op. cit. P. 9. Ma L. E. A. Fellow-regional Associations in the Ch'ing Dynasty: Organizations in Flux for Mobile People. A Preliminary Survey // Modern Asian Studies. 1984. V. 18. № 2. P. 307-308; Kwang-Ching Liu. Op. cit. P. 9).

⁴ Ma L. E. A. Op. cit. P. 310.

этапе формализации осознаются и обсуждаются меры по охране и использованию общей собственности»¹.

Максимум подобных организаций создается при династии Цин в период между правлениями Цяньлуна (1736–1795) и Гуансюя (1875–1908). За это время их возникает больше, чем в остальные периоды, за исключением начала 1920-х – 1930 гг. К концу правления династии Цин в городах насчитывалось более 800 землячеств. Объединения, возникшие во время правления династии Цин, являются классической формой традиционных хуэйгуаней.

Наибольшее число этих организаций во второй половине XIX в. располагалось в многочисленных прибрежных городах, в больших городах вдоль Янцзы и Хуанхэ, на активно урбанизовавшихся территориях, а также в большинстве областей, где возникали новые китайские поселения (Сычуань, Тайвань, Маньчжурия и Юго-Восточная Азия). Ассоциации типа хуэйгуань могли располагаться не только в городах, но и в деревнях, особенно это касается пограничных районов².

Джон Берджесс (John Burgess), имевший возможность в 1920-е гг. в Пекине побеседовать с их представителями, выделил их наиболее характерные черты:

1. Носят локальный характер и ограниченную сферу деятельности.

2. Их цель – сохранение благосостояния всех членов группы.

3. Отношения между работодателями, работниками и учениками основываются на личных и близких отношениях.

4. Решают задачу ограничения конкуренции между своими членами.

5. Ведут солидарную борьбу против других гильдий, покупателей, работодателей, администрации.

6. Являются собственниками корпоративного имущества, приобретенного за счет членских взносов³.

Все известные на сегодняшний день организации подобного рода Л.И.А. Ма разделила на четыре основных типа:

– *ассоциации, созданные чиновниками*. Подобные объединения начинались как общежития (гостиницы) для путешествующих чиновников и их окружения и оставались таковыми в течение всего времени существования. Часть из тех, что возникла позже, изменила правила, позволив пользоваться комнатами кандидатам, приехавшим на сдачу конфуцианских экзаменов. Финансовая

¹ Цит. по: Moll-Murata C. Chinese Guilds from the Seventeenth to the Twentieth Centuries: An Overview // International Review of Social History. 2008. V. 53. Suppl.: Return of the Guilds. P. 217.

² Ma L. E. A. Op. cit. P. 308.

³ Burgess J. S. The Guilds of Peking. New York: Columbia University Press, 1928. P. 211-212.

поддержка и управление этими землячествами чаще всего ложились на чиновников и купцов, выходцев из «материнской» области. Хотя правилами запрещалось ночевать в общежитии или хранить там товары, но иногда купцы могли использовать эти помещения для встреч или других коммерческих целей. Отмена конфуцианских экзаменов в 1906 г. сделала подобный тип анахронизмом, в результате чего часть из них перестала существовать, а другая - трансформировалась¹.

- *торговая ассоциация*². Большинство торговых хуэйгуаней были созданы в эпоху Цин. Все члены торгового хуэйгуаня были приезжими, выходцами из определенной области Китая. На начальном этапе регион, представленный любым торговым хуэйгуанем, имел тенденцию определяться географически узко, почти никогда не включая больше одной географической единицы, обычно ограничиваясь одним городом, областью (чжоу, чоу) или даже уездом (сянь, хсиен). Иногда представители соседних областей или уездов могли объединиться, создав общую организацию. Однако создание такого объединения не отменяло существование уездного или областного землячества³. В позднюю Цин появляются организации выходцев из несмежных областей нескольких провинций. Некоторые торговые землячества принимали всех купцов-земляков, уже участвующих в торговле или приступающих к ведению дел, другие – только руководителей торговых фирм или руководителей крупнейших торговых домов. В ряде случаев фирма могла делегировать только одного члена, как правило, владельца крупного торгового бизнеса. Это означало, что многие торговые хуэйгуани насчитывали всего от двадцати до тридцати человек, но их влияние намного превосходило эти скромные размеры.

Во главе торговых землячеств, как правило, стояли богатейшие купцы. В позднюю Цин распространяется практика покупки ими степени цяншэна или эквивалента, что резко повышало социальный статус, делая их в равной степени и псевдочленами мужами и торговцами.

На начальном этапе для существования землячества как формальной организации необходимо было, чтобы группа земляков могла собраться, определить структуру организации и принципы работы. Для этих целей землячества приобретали помещения для проведения собраний, содержали общежитие (комнаты, где можно было остановиться, оставить на хранение товары) и храмы.

¹ Ma L. E. A. Op. cit. P. 310–311.

² По-китайски: ханхуэй (hang-hui), цзяохан (chiao-hang), гунсо (kung-so). На английский и русский языки термин обычно переводится как гильдия (Малявин В.В. Указ. соч. С. 153).

³ Ma L. E. A. Op. cit. P. 316.

Здание конторы для членов хуэйгуаня являлось общественным и религиозным центром. Социальные и религиозные функции были теми средствами, которые формировали чувство реальной общности (единства, солидарности) участников. Храм и вероисповедание оставались значимыми для самоопределения. Кван Цинлю отмечает, что хуэйгуань не был тем местом, где можно было поклоняться своим предкам, тем более не имело смысла поклоняться предкам других людей. Конфуцианство было монополизировано имперской властью, и жертвоприношения Конфуцию тоже не могли совершаться в подобных храмах. Оставалось поклоняться божествам из народного пантеона. Часто главный бог или богиня, почитаемые членами хуэйгуаня, происходили из места выхода мигрантов. Среди наиболее распространенных культов можно отметить культы Гуанди, бога войны, иногда он представлялся как бог процветания; Цайшэна – бога богатства; Императрицы Небес. Все эти божественные покровители склонны к исполнению индивидуальных просьб и пожеланий удачи и успеха¹. Иногда главный бог или богиня, чей алтарь был сооружен землячеством, почитались местным населением, так как их культ мог быть связан с выполнением важных и для принимающей стороны функций (например, прекращение засухи). Это обеспечивало престиж землячества и его участников.

Занимались торговые землячества и благотворительной деятельностью, оказывая помощь во время голода, выделяя деньги на охрану и т. п. Одна из самых распространенных функций – содержать место временного или постоянного погребения (*yizhong*) для тех, кто умер на чужбине и чьи семьи не имели средств для доставки тела на родину². Многие торговые хуэйгуани создали для занятия благотворительностью специальные подразделения шаньтан.

Однако торговые хуэйгуани не были ритуальными ассоциациями, их основывали для коллективного решения вопросов, возникающих у прибывших купцов на местном рынке. Помещение хуэйгуаня служило местом встречи для обмена информацией о состоянии рынка, обсуждения динамики цен, изменений в спросе на некоторые продукты, способов увеличения продаж и выбора эффективных стратегий, а также, конечно, о подрыве деятельности конкурирующих торговых групп³.

¹ Kwang-Ching Liu. Op. cit. P. 11.

² Там же. P. 11.

³ Schottenhammer Angela. Brokers and "Guild" (huiguan) Organizations in China's Maritime Trade with her Eastern Neighbours during the Ming and Qing Dynasties // http://www.eamh.net/downloads/aktuell2009/Abstract_Schottenhammer_paper_Taipei_20091006.pdf

Главной функцией была взаимовыгодная регуляция бизнеса участников. Если это было возможно, они обеспечивали монополию для земляков в торговле или определенных отраслях. Хуэйгуани устанавливали и контролировали норму веса и меры; иногда нанимали писца, чьи услуги были доступны для всех членов; устанавливали цены и использовали другие формы регулирования рынка; арендовали или содержали складские помещения для хранения товаров; насколько это было возможно, развивали межрегиональные маркетинговые сети, продвигающие продукцию, на которой они специализировались. Ряд их функций не был непосредственно связан с бизнесом. Многие торговые землячества гарантировали определенные формы правовой помощи, включая, если это было необходимо и выполнимо, ведение судебных процессов в суде. Во второй половине XIX в. часто местные чиновники в ряде главных коммерческих центров прибегали к их помощи для сбора налогов.

– *профессиональное (ремесленное) объединение*. Состояло из всех неместных земляков-рабочих и обычно (но не всегда) владельцев предприятий¹. Эти ассоциации не были многочисленными, так как большинство отраслей находилось во власти местных жителей. Ремесленное землячество поддерживалось и возглавлялось купцами, которые наряду с секретарем являлись его членами. Членство было обычно обязательно для всех земляков, вовлеченных в данный вид ремесла или определенный вид деятельности².

Основная цель профессиональных хуэйгуаней — защитить деловые интересы своих земляков от давления местного населения, урегулировать условия производства, в идеале — установить монополию для своих земляков в производстве товаров и услуг определенного вида. Практически не вмешиваясь в процесс производства, они вырабатывали строгие правила для учеников и определяли то, как должен функционировать институт ученичества. Кроме регулирования профессиональной деятельности они выполняли широкий спектр социальных функций: похороны неимущих членов, распределение лекарств, оказание юридических услуг при конфликтах с посторонними, разбор дел и вынесение решения в случае конфликта между участниками. Некоторые рассчитывали найти помощь в случае голода, для создания неофициальных полицейских патрулей в тех частях города, где располагались их фирмы и т. п.

¹ Иногда в подобные объединения входили выходцы из разных провинций, занимавшиеся одним видом деятельности, т.е. объединение по профессиональному признаку.

² Ma L. E. A. Op. cit. P. 313.

Конторы обычно были и религиозными центрами, и местом встреч. Одним словом, они были организациями, бравшими на себя функции религиозных, социальных, благотворительных институтов, деятельность которых содействовала бизнесу, формировала приток рабочей силы при сохранении главного приоритета: обеспечение преимущества для своих земляков¹. Подобно торговым землячествам к концу Цин некоторые начали расширять свои «территориальные границы», объединяя выходцев из разных областей.

- «переселенческое землячество». Этот тип стал самым заметным в областях - реципиентах миграционных потоков и за пределами Китая. Здесь хуэйгуани играли важную роль в процессе адаптации мигрантов и эмигрантов.

Некоторые хуэйгуани с самого начала объединяли всех земляков вне зависимости от их рода занятий, т. е. в их состав могли входить и чернорабочие, и переселенцы-крестьяне и т. п. Другие были тесно связаны с торговыми ассоциациями. В процессе их формирования чрезвычайно велика роль торговцев, которые наряду с секретарем зачастую занимали должности в ассоциации. Именно купцы обеспечивали капиталом, необходимым для постройки (покупки/аренды) здания; помогали с рабочими местами и кредитом. Через их торговые контакты осуществлялась связь между новой областью и домом, передавалась необходимая информация на родину, давались советы, благодаря чему их земляки с минимальными потерями могли добраться до новой области и закрепиться в ней. Купцы же были связующим звеном между мигрантами и местной администрацией.

Зачастую правительственные чиновники поддерживали юридическую власть хуэйгуаней над их участниками, отказываясь слушать дела, касавшиеся членов землячества, и передавая их на рассмотрение руководителей этих организаций. Иногда, если член ассоциации пытался обжаловать решение (приговор) своих властей, обратившись за помощью к государственному чиновнику, последний оставлял это решение без изменений. В некоторых случаях чиновники требовали, чтобы хуэйгуани ввели специальные налоги и выполняли другие гражданские функции. Таким образом, им вменялась квазибюрократическая функция, объемы которой могли варьироваться в зависимости от местных условий².

По функциям переселенческие хуэйгуани для земляков были основными институтами управления, социальными и религиозными центрами. Они помогали найти работу, получить

¹ Ma L. E. A. Op. cit. P. 314.

² Fewsmith J. From Guild to Interest Group: The Transformation of Public and Private in Late Qing China // Comparative Studies in Society and History. 1983. Vol. 25. №. 4 P. 623.

кредит, предоставляли точную информацию и формировали чувство общности. Если обстоятельства позволяли, то они действовали и как формы самоуправления, и как буфер между иммигрантами и враждебным окружением. Как и другие типы ассоциаций, они содержали общежитие, открытое для всех земляков. Почти все, а возможно, все были связаны с храмом или проводили религиозные обряды, в которых участвовало все землячество. Общество осуществляло социальную защиту и участвовало в благотворительных акциях, улаживало ссоры между земляками, а в некоторых случаях обеспечивало юридическую помощь участникам, вступившим в конфликт с лицами, не являвшимися членами организации. Рост их численности наблюдается во время правления династии Цин, что связано с интенсификацией внутренних миграционных процессов и эмиграцией.

Иногда лидеры различных землячеств, объединяясь, создавали федерации. Многие из них обладали огромной властью. Достаточно вспомнить возникший в Чунцине во время правления Даогуана (1820–1850) Башэн хуэйгуань (Pa-sheng hui-kuan), представлявший как перед правительственными чиновниками, так и перед местными жителями, коллективные интересы восьми провинциальных землячеств¹.

Иногда крупные ассоциации, располагавшиеся в городах, выступали с инициативой создания новых хуэйгуаней на еще не освоенной выходцами из данного региона территории. Такие «дочерние» землячества оставались зависимыми от родительской организации, хотя они и имели на новом месте свою контору, храм. Их руководители обычно приглашались на собрания руководителей «родительского» землячества.

Таким образом, «региональные ассоциации» в традиционном Китае создавались для улаживания внутренних споров и конфликтов; защиты интересов своих участников в тяжбах с посторонними; защиты участников от местных чиновников и от давления других групп; для монополизации определенных ремесел, торговли, видов деятельности; взаимопомощи; обеспечения религиозных и культурных потребностей (поклонение региональному божеству, сохранение региональной идентичности — прежде всего диалекта, кухни); оплаты транспортировки тел умерших на родину, содержания мертвецкой, где тела ждали бы отправки, и кладбища; организации похорон для самых бедных членов; обеспечения коммуникации между членами общества и их родными в Китае².

¹ Ma L. E. A. Op. cit. P. 318.

² Gary G. Hamilton. Regional Associations and the Chinese City: A Comparative Perspective // Comparative Studies in Society and History. 1979. Vol. 21. № 3. P. 351.

В 1890-х гг. в Маньчжурии насчитывалось десять хуэйгуаней, представлявших в общей сложности 8 китайских провинций. Три хуэйгуаня было создано выходцами из провинции Шаньдун, два – шаньсийцами, два – мигрантами из трех провинций – Цзянси, Цзянсу и Чжэцзян и по одному от Чжили, Фуцзяни и Аньхой. Все они, за исключением Чжилийского, начинались как торговые землячества, частично или полностью трансформировавшись в период поздней Цин в переселенческие.

У маньчжурских хуэйгуаней были более широкие функции, вытекающие из большего по численности и разнообразию членства¹. Помимо оказания помощи землякам, жившим в городах, по крайней мере, одна из этих организаций – Шаньсийское землячество – помогала с кредитом людям, пытавшимся осесть в сельской местности. Существовала еще и такая организация, как Тахуэй, переселенческое землячество, защищавшее китайцев Инкоу. К началу 1880-х гг. она осуществляла контроль над торговлей и китайской частью порта. В ее обязанности входило содержание дорог, осуществление юрисдикции над общинными землями, помощь бедным, выполнение функций торговой палаты. Она облагала налогом товары, управляла местным денежным рынком и т. п.

Очевидно, что хуэйгуани обладали значительной властью над своими членами и имели возможность обеспечить их защиту в случае необходимости. В основе защиты интересов группы лежало коллективное действие ее участников. Оно могло быть направлено против конкретных членов ассоциации (исключение из организации), против действий иностранцев и даже против финансовых требований чиновников. Случай, произошедший в 1883 г., иллюстрирует эффективность действия ассоциации. Несогласные с новыми гильдейскими правилами и ценами на чай, иностранные купцы решили бойкотировать гильдию чая Ханькоу. Чаеоторговцы запретили всем участникам продажу чая иностранцам. Последним пришлось согласиться с предложенными китайцами условиями².

Несмотря на то, что коллективная власть этих организаций была велика, государственными законами природа и объем этой власти не регулировались. Свод законов Цинской империи и Уголовный кодекс содержат мало торговых кодексов и не упоминают о гильдиях. Законодательство регулирует деятельность торговцев лишь по отдельным вопросам. Правительство не регулировало юридическую

¹ Японцы, изучавшие этническую ситуацию в Южной Маньчжурии в 1920-х гг., установили, что более половины жителей в старых деревнях были шаньдунцами или их потомками. Вторая по величине группа произошла от мигрантов из Чжили.

² Fewsmith J. Op. cit. P. 621.

основу создания и деятельности ассоциаций. Они возникали вне сферы деятельности и независимо от государства, создавая свои правила, реализовывавшиеся собственными способами и методами. Таким образом, юрисдикция подобных объединений была в значительной степени автономна, но эта автономность не была признана и регламентирована законом. Эти ассоциации могли пользоваться местными обычаями или уповать на великодушные чиновников, но, отстаивая свои дела в суде, они не могли сослаться на общепринятую норму¹.

Не всегда сам факт существования землячеств мог решить возникавшие проблемы, иногда, наоборот, их присутствие порождало новые. Л.И.А. Ма показала, как формируется напряженность между представителями разных волн миграции. Первые мигранты, обосновавшиеся в Сычуани, часто женились на местных женщинах, перенимали их диалект и многие локальные обычаи. К XIX в. потомки мигрантов, осевших здесь в начале династии Цин (включая большинство, если не всех, лидеров землячества), очень отличались от недавно прибывших. К тому же «старожилы», как правило, были более богатыми. Естественно, эти факторы стали источником трений. Две волны мигрантов даже начали обращаться друг к другу, используя разные названия «старшие поселенцы» и «вновь прибывшие». Подобная ситуация привела к тому, что в конце XIX в. на волне движения за реформы возникают новые организации².

Представляется возможным выделить в качестве одного из вариантов переселенческого хуэйгуаня - хуэйгуани, созданные хуацяо. Эти хуэйгуани, как правило, поддерживали связи с материнскими организациями, расположенными или в родной области или в порту, из которого мигранты покидали Китай. Правление хуэйгуаня обычно составляли богатые торговцы, поддерживавшие формальные связи с администрацией принимающей стороны. Функции хуэйгуаней в заграничных сообществах включали юридическую защиту, некоторые полицейские обязанности. Часто они содержали общежития, занимались благотворительностью (похороны, различные формы взаимопомощи), кредитовали иммигрантов и были своеобразной «биржей труда», благодаря которой работодатели могли подыскать себе служащих. В качестве подразделений они содержали торговые или ремесленно-торговые организации. В некоторых сообществах хуацяо объединялось несколько хуэйгуаней, организовывавших федерации, подобные Башэн хуэйгуань в Чуньдине и Тахуэй в Инкоу, которые выступали от имени всего заграничного китайского сообщества.

¹ Fewsmith J. Op. cit. P.622.

² Ma L. E. A. Op. cit.

В начале XX в. появляются новые формы организации китайских торговцев и предпринимателей, в том числе и у мигрантов, обеспечивавшие связь между торговцами и правительством и отчасти взявшие на себя ряд функций хуэйгуаней. В это время китайская политическая элита начинает осознавать необходимость создания коммуникационных каналов между торговцами и правительством. Чиновники, выполнявшие посреднические функции, в изменившихся политических условиях не справлялись со своей ролью. Они не имели ни знаний, ни желания помочь торговцам. В 1901 г. Шэн Сюаньхуай, назначенный Цинским двором уполномоченным представителем на переговорах по пересмотру торговых соглашений в Шанхае, обнаружил, что иностранные торговые палаты регулярно собирали коммерческую информацию и предоставляли ее своим правительствам. В результате его партнеры по переговорам были лучше осведомлены о торговых условиях, чем он¹. Шэн описал двору ситуацию так: «В Шанхае иностранные торговые палаты являются столь же многочисленными как деревья в лесу. Они встречают ночь и день и не экономят усилия в обсуждениях и исследованиях. Но у китайских торговцев никогда не было консультативной гильдии (huiyi gongsuo). Хотя у каждого бана есть свои собственные руководители, у каждого есть его собственная территория, но они рассеяны, а не объединены»².

В 1904 г. правительство опубликовало первый закон о торговых палатах Китая. В соответствии с ним все крупные коммерческие ассоциации, имевшие множество названий, таких как гун-и-хуэй (gongyi hui) и шанъу гунсо (shangwu gongsuo), должны были быть реорганизованы в торговые палаты. Главные отделения палат (shangwu zonghui) должны были создаваться в коммерчески преуспевающих областях, включая все центры провинций, в менее развитых районах учреждались отделения палат (fenhui). Статьей 25-й утверждалась необходимость создания торговых палат настолько быстро, насколько это возможно. Главные отделения палат и просто отделения предписывалось организовать в коммерческих центрах Юго-Восточной Азии, Японии, США, где действовали китайские торговцы.

Таким образом, по изначальному замыслу законодателей, иерархическая сеть палат должна была раскинуться от местного уровня до Министерства торговли, охватив не только территорию Китая, но и иностранные государства. Торгово-промышленные палаты стали органами управления, контролировавшими как деятельность старых организаций, так и новых торговых ассоциаций. В Пекине пала-

¹ Fewsmith J. Op. cit. P. 631.

² Там же. P. 631.

ты становятся все более мощными. Они собирают налоги, проводят торговый арбитраж споров между членами различных организаций. При этом палаты в отличие от хуэйгуаней, гунсо, банов взаимосвязаны как на региональном, национальном, так и на международном уровнях¹.

После выхода закона наблюдается быстрый рост численности торговых палат по всей стране и за рубежом. Первая главная торговая палата была организована в Шанхае в 1904 г. К 1908 г. эти палаты, обычно называемые шанью хуэй (shangwu hui), действовали в 31 крупном городе Китая, более ста в других местностях, 13 — в зарубежных китайских сообществах. К 1912 г. их было более 1200 с четвертью миллиона участников, а к 1929 г. их число достигло 1400².

Помимо организаций, непосредственно связанных с экономической деятельностью мигрантов, можно выделить еще ряд традиционных структур и организаций, игравших важную роль в переселенческом обществе — кланы³, братства, религиозные объединения⁴ и тайные общества.

Таким образом:

— Основные формы самоорганизации китайских мигрантов большей частью сложились на территории Китая в период правления династий Мин и Цин в ходе внутренних миграций, а затем были адаптированы и использованы в ситуации эмиграции. За границей китайцы часто группировались на основе намного меньших территориальных единиц, чем в Китае, но заграничные ассоциации создавались на тех же основаниях, что и подобные организации в самом Китае.

¹ Moll-Murata С. Op. cit. P. 227-229.

² Fewsmith J. Op. cit. P. 636.

³ Важнейшую роль среди социальных структур Цинского Китая имел клан (цзу) — группа родственных семей, носивших одну фамилию. Обычно он имел довольно четкую структуру и организацию, и его рамки были ограничены семью поколениями родственников по мужской линии. Традиционно кланы были сильны в Южном Китае и слабы в Северном. В связи с этим, когда речь идет о сообществах, созданных мигрантами/эмигрантами - выходцами из южных провинций, без анализа этих структур обойтись нельзя. Мы же не будем подробно останавливаться на этой форме.

⁴ Цель сект — осуществление в отдаленном будущем главного чаяния религиозного учения: пришествия мессии и коренного преобразования мира. Тайные общества создавались для оказания различных видов помощи своим членам в повседневной жизни, защиты профессиональных и корпоративных интересов, борьбы за социальную справедливость. Среди наиболее распространенных в Северном Китае религий можно отметить Цзайлицизяо (Учение о пребывании в истине), основанную в XVII в. шэньши Ян Лайжу (Ян Цзэ), уроженцем провинции Шаньдун. Последователи Цзайлицизяо поклонялись ботхисаттве Гуаньинь, почитаемую как инкарнацию Уцзи чжи шэнь (Божества Беспредельного). Они проповедовали соблюдение норм конфуцианской этики, отказ от курения и употребления алкоголя. Исследование К.М. Тертицкого дает возможность составить представление о внутреннем устройстве и жизни общин Цзайлицизяо. (Костяева А.С. Тайные общества Китая в первой четверти XX века. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1995. С. 3; Тертицкий К.М. Китайские синкретические религии в XX в. М., 2000. С. 305).

– При создании этих организаций часто используется модель китайской семьи с иерархическим принципом построения, четким ранжированием всех ее членов. Часто встречается использование терминов родства, различные ритуалы поборимства.

– Как в Китае, так и за границей, подобные организации зачастую формально не признаны государством, но выполняют государственные функции, такие как сбор налогов, судебная, правоохранительная и др. Кроме того, они являются посредниками между правительственными чиновниками и китайской общиной (для хуацяо); между правительством и той или иной группой населения (для Китая).

– Для выходцев из Южного Китая чрезвычайно важным будет диалектная принадлежность. Единство языка зачастую выступает основанием для формирования ассоциаций.

– Несмотря на различие принципов образования объединений, конечной целью является оказание взаимной выручки, снижение конкурентной борьбы, монополизация тех или иных видов деятельности.

– Объединения, возникшие в эпоху Цин, формируются на основе интересов группы торговцев и ремесленников, первоначально связанных общностью происхождения, имеющих в собственности или арендуящих место для собраний, самоуправляющихся, вырабатывавших зафиксированные письменно правила, а также получивших признание со стороны местной администрации. В течение XIX в. членство в группе, связанной общностью места происхождения, стало реже встречаться как базовый признак образования объединений. Тем не менее первые известные нам ассоциации были именно этого типа.

Китайские организации на территории российского Дальнего Востока

Анализ китайских организаций, возникших в России во второй половине XIX – начале XX в., затруднен рядом обстоятельств. Сказывается ограниченность источниковой базы. Несмотря на существование мемуаров китайцев, приходивших на заработки в Россию или некоторое время проживавших здесь, эти источники не переведены на русский язык и не введены в научный оборот. Сведения, полученные русской администрацией в конце XIX – начале XX в., скудны, фрагментарны, отрывочны, не систематизированы и не обобщены. По имеющимся источникам очень трудно проследить генезис, эволюцию тех или иных организаций. Русское делопроизводство фиксирует либо наличие организаций и

объединений, либо деятельность на каком-то этапе существования организации, в лучшем случае предположительно реконструируя предшествующую историю. Естественный процесс формирования обществ, логика их внутреннего развития были нарушены сначала революцией, Гражданской войной, начавшейся в России, а затем депортацией.

Исследование деятельности организаций на территории Китая и других стран помогут заполнить лакуны в источниках, освещающих деятельность подобных организаций на русском Дальнем Востоке. Представляется логичным рассмотреть формы и способы самоорганизации китайских мигрантов на территории России, учитывая рассмотренный выше материал.

Как уже отмечалось, большинство китайцев, попадавших на Дальний Восток, были выходцами из Шаньдуна, Шаньси, Чжили и Южной Маньчжурии.

В 1878 г. цинское правительство отменило все указы и постановления, запрещавшие или ограничивавшие переселение китайцев в Маньчжурию. Но существовали психологические причины, затруднявшие процесс переселения на окраины. О.Е. Непомнин выделил ряд факторов, лежавших в основе этого явления. Пограничные с русским Дальним Востоком районы Маньчжурии считались тогда малопригодными для земледелия. Уход в такую «дикую» местность означал для китайского крестьянина падение на несколько порядков вниз, к уровню далеких предков. Культ предков не позволял легко бросить их могилы, родню, соседей. Трудно было ему, как конфуцианцу, порвать с традиционной культурной и общинной средой, существовала потребность в «своем» шэньши, «своем» старосте, сельской кумирне и остальной деревенской обстановке. Уход в неханьские районы нацменьшинств, т. е. варваров, означал для ханьца «падение до их уровня, отрыв от более высокой цивилизации, т. е. той историко-культурной среды, вне которой конфуцианец мыслил себя с трудом»¹.

Однако первые китайские поселенцы, объединенные в различного рода союзы, на территории будущей Приморской области появляются задолго до 1878 г. В своем исследовании «Маньчжурская граница в Цинской истории» Р. Ли реконструирует процесс их формирования. Большинство нелегальных поселенцев являлись выходцами из Чжили и Шаньдуна. Они уходили жить в дикую местность либо из-за нужды, либо чтобы исчезнуть от возмездия закона. У них отсутствовал предшествующий опыт жизни в лесу. В сознании таких китайцев лес был населен духами, опасность таи-

¹ Непомнин О.Е. Податное и частнозависимое крестьянство Китая на рубеже XIX–XX вв. // Социальные организации в Китае. М., 1981. С. 112.

лась за каждым камнем и деревом, а вся природа настроена против людей. Вне леса чиновники и солдаты использовали любую возможность для их преследования. Ради безопасности родственникам и друзьям приходилось группироваться вместе в маленькие группы¹. В большинстве случаев они базировались на патриархальном принципе - старшие брали на себя роль законотворцев и арбитров в спорах. О существовании подобных организаций в Южно-Уссурийском крае упоминают начальник поста Владивосток Е.С. Бурачек (начало 1860-х гг.) и архимандрит Палладий (1870). Тип организации, описанный Палладием, в равной степени может быть отнесен и к хуэйгуаню, и к традиционной форме организации промысловых артелей, возникших в китайской горнодобывающей промышленности². Основываясь на сведениях, собранных среди китайцев, Палладий сообщал, что до 1868 г. «маньчзы ...разделялись на правильно организованные промышленные партии: «ва цзинь ди» (золотопромышленников), «ва шень ди» (искателей женьшеня)». Каждая из партий состояла из нескольких тысяч человек и занимала особый участок земли, во главе партии стоял старшина (да-е), он обычно избирался из уважаемых людей и имел помощников (эрр-е и сан-е). Старшина обладал правом решать распри, наказывать виновных своей партии не только палочными ударами, но и смертной казнью. В его функции входил

¹ Lee R. H. G. *Op. cit.* P. 109.

² Во главе артели стоял староста (хоту, баогун), далее шли мастера и подмастерья. Еще ниже стояли простые рабочие. Все артельщики считались пайщиками и получали свою долю от выручки. Артельный староста был выборным и обладал большой хозяйственной и распорядительной властью. Артельная работа ... имела сезонный характер. Зимой ... ее члены разбрелись, живя случайными заработками, мелкой разносной торговлей или подсобными промыслами. Такая же модель организации рабочих артелей действовала на русском Дальнем Востоке при найме на строительство, земляные работы, золотодобычу. Например, к 1915 г. на золотых приисках распространилась следующая система: владелец золотоносной площади устраивал на прииске только склад продуктов и других товаров. Китайцы, организованные в артели, состоявшие из 100 – 150 человек и в свою очередь делившиеся на более мелкие единицы, приходили со своим инвентарем и самостоятельно соорудили себе жилье. Во главе мелких артелей стояли староста и повар. Каждый китаец за право работать на этой земле ежедневно выплачивал от двух долей до одной четверти золотника («положение»), кроме того, давалось обязательство покупать все продукты и товары в лавках данного прииска, расплачиваясь за них шлиховым золотом по установленной цене. В тайге возникли китайские городки, население которых оценивалось от 700 до 1200 человек, имевшие свои кумирни, лавки, игорные дома. Часть жителей этих городков занималась огородничеством, часть торговлей. Управление прииска, как правило, не вело никаких дел непосредственно с рабочими, а зачастую не знало и их численности. Все вопросы решал китаец-артельщик (старшина), говоривший по-русски, он обычно подбирал партии рабочих, вел дело, рассчитываясь с прииском и с рабочими (Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII – нач. XX в. М.: Вост. лит., 2005. С. 194-195; Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. С. 188).

справедливый дележ всего добытого на промысле. Да-е должен был обеспечить уход за больными и помощь семьям членов партии, попавших в руки к маньчжурам, казненных или сосланных. Помимо административно-судебных за старшиной закреплялись и хозяйственные обязанности по устройству ферм, складов, перевозки результатов промысла. Каждый человек мог перейти из одной партии в другую¹.

Подобные китайские организации продолжали существовать и позднее. Подполковник генерального штаба И. Надаров сообщал, что в 1885 г. ему было известно о существовании 14 китайских округов². В конце XIX – начале XX в. русской администрации удалось получить тексты законов, регламентировавших жизнь членов подобных организаций, а именно «Общества 308 крестных братьев» на Имане (А.М. Казаринов считал, что Гун-и-хуэй является органом управления «Общества 308 крестных братьев»), обществ, существовавших в долинах рек Сучан и Санхобэ.

В.К. Арсеньев описал процедуру легитимации подобных законов в одной из долин: «Раз в три года со всей долины собираются китайцы около кумирни. Здесь они раскладывают костры и сжигают бумажки по усопшим. По окончании этого обряда они приступают к выбору новых должностных лиц, изменяют, дополняют или вырабатывают новые законы. Это великий день, великий праздник, приуроченный к началу Нового года. Новые законы читаются вслух и подписываются всеми присутствующими»³. Законы хранились в кумирне или у главного старшины.

Несмотря на имеющуюся вариативность, можно говорить о единообразном принципе построения этих обществ. Во главе стоял цзун-лао-да (чжун-да-е) – главный старшина, выполнявший, как правило, и функции главного судьи. Ниже находились да-е (старшины) и их помощники. Во всех обществах выбирались судьи, а в некоторых еще и следователи, собиравшие материалы о преступлениях. Для взаимодействия с русскими властями и частными лицами на Сучане и в долине Санхобэ имелись специальные старшины, знакомые с русским языком.

Законы долин, иногда существенно отличавшиеся друг от друга, кодифицировали наказания (остракизм, палочные удары, закапывание живым в землю, утопление в реке) за различные преступления и регулировали нормы проживания в указанных районах.

¹ Палладий. Уссурийские маньчжы // Изв. ИРГО, 1871. СПб., 1872. Т. 7.

² Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. Вып. XXII. С. 138.

³ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае // Нансен Ф. В страну будущего. М., 2004. С. 210.

Правила общества и фамилии участников, написанные на двух свитках красного кумача — документах иманского общества Гун-и-хуэй, переведенные и прокомментированные И. Петелиным, проливают свет на историю происхождения общества. Петелин переводит название общества как «общество связанных гражданскими и родственными узами» или «братство». Перечню фамилий предшествует преамбула, связывающая действующее общество с известными персонажами эвгемеризированной китайской мифологии — первочеловеком Паньгу, тремя императорами, пятью императорами и другими персонажами, известными своей крепкой дружбой (Цзо Бо-тао и Янь Цзюэ-аем; Лю Бэйем, Гуань Юйем и Чжан Фэйем)¹. Отмечается, что дружба является добродетелью человека. «Хотя наши люди, заключившие это братство, не осмеливаются приравнять себя по пронизательности прежним мудрецам, но все же они могут хотя бы несколько приближаться к древним. Так как единокровные Гуань Чжуна и Бао Шуя привело к большому успеху и дружба Линь Сянжу и Лянь По не знала недоразумений, то потомки называют их святыми и мудрыми. Хотя члены нашего братства не осмеливаются приравнять себя братскому союзу, заключенному в местности Таоюань (выше упомянутыми Лю Бэйем, Гуань Юйем и Чжан Фэйем), но все же они не должны подражать союзу Сунь Биня и Пан Цзюаня, которые впоследствии сделались злейшими врагами»². И. Петелин, проанализировав именной список, пришел к выводу, что с известной долей вероятности можно утверждать — общество создано около 50-55 лет назад группой людей численностью около десяти человек. «С течением времени к основателям общества примкнули их братья, сыновья, родственники и близкие знакомые»³. К 1906 г. в обществе состояло чуть более 300 человек. Петелину не удалось получить от китайцев информации о том, что требовалось для поступления в общество, однако он высказывает предположение, что «главным и существенным основанием для

¹ Отметим, что и в «Акте побратимства» китайского общества на Сучане в начальной клаузуле документа также содержится упоминание важности дружбы как одного из пяти семейных и общественных отношений, так и исторические образцы крепкой и верной дружбы. «Возьмем пример с трех Тай-юанских старцев, которые, заключив союз, заставили в прежние года уважать себя всех мудрых людей. Да будет тай-юанской законности 1000 лет древности и нам, последователям ее, по 100 лет. Да не рассеяться нам, как при Суй-Джоу, но смело заключить союз нам, как при Гу-чене, и пусть будет правда наша глубока, как 4 моря». (Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. С. 108).

² Петелин И.И. Китайское общество Гун-и-хуэй в Уссурийском крае // Изв. Вост. ин-та. 1909. Т. XXIX, вып. 3. С. 22-23.

³ Петелин И.И. Указ. соч. С. 23.

вступления в число членов общества является родство с первыми учредителями общества»¹.

«Все члены общества по возрасту разделялись на 13 категорий. Старший член первой категории, 79 лет от роду, имел звание цзун лао-да (атаман). Первые лица остальных разрядов назывались да-е (старшины)»².

Интересно, что общество Гун-и-хуэй законодательно монополизировало право создания братств и любых объединений на своей территории. Закон 27 гласил: «В пределах округа запрещается составлять тайное панибратство или родство. Если хозяин дома знает о заключенном у него братстве и не извещает об этом кого следует, то конфискуется у него на 400 фунтов имущества, а виновные в тайном панибратстве и родстве наказуются – каждый 20 ударами бамбуком»³.

С точки зрения Петелина главной целью общества, заметим, как и традиционного хуэйгуаня, «было и есть монополизация этой промышленности [сбор женьшеня, пантов, добыча собольих шкур, организация выгодной скупки всей добычи пушнины в Уссурийском крае. – Е. И.]». С течением времени общество Гун-и-хуэй распространило свое влияние на торговлю (закон 34), рыбалки (закон 20), расчеты с рабочими, подчинило своему влиянию инородцев края и образовало в некотором роде государство в государстве, рядом с русскими постановлениями и законами»⁴.

Помимо этого общество выполняло функции социального обеспечения и призрания. Ряд законов общества был направлен на обеспечение оказания помощи раненым, больным (законы 14, 16), на пресечение ссор, драк, брани, сплетен, пересудов, злословия (закон 13, 15), обязывал хозяина осуществлять поиск пропавших без вести (закон 31), защищал интересы работников по найму (закон 25).

Общества брали на себя и те функции, которые в Китае выполняла семья – жертвоприношения умершим. «Китайцы в память умерших сжигают золотые и серебряные бумажки (кэнь-ен-бао), посылая таким образом в загробный мир якобы золотые и серебряные деньги. Лица, которые при жизни оказали общине какие-либо особые услуги, особенно почитаются. После смерти имена их заносятся в особый памятный список. Им-то и сжигаются эти бумажки»⁵.

¹ Петелин И.И. Указ. соч. С. 32.

² Петелин И.И. Указ. соч. С. 23.

³ Петелин И.И. Указ. соч. С. 29.

⁴ Петелин И.И. Указ. соч. С. 32.

⁵ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 211.

Таким образом, промысловики, приходившие в Южно-Усурийский край для добычи женьшеня, золота, морской капусты, трепангов, и земледельцы, обеспечивавшие их продуктами, объединялись в союзы, основанные на профессионально-корпоративных и родственных (земляческих) связях. Анализ подобных организаций, возникших в других частях света¹, позволяет

¹ Одной из форм самоорганизации китайцев, возникшей в результате эволюции горнодобывающей артели, основанной на принципе равного раздела прибыли, стала гунсы (公司) на острове Борнео (совр. Калимантан). В своей диссертационной работе Н.В. Скорлыгина подробно проанализировала структуру и деятельность таких организаций. Каждое гунсы занимало определенную территорию, и хотя границы не были однозначно закреплены, пока голландцы не зафиксировали их на бумаге в 1823 г., они все же были хорошо известны. На этих территориях располагались крупные золотые рудники, находившиеся во владении всей компании. Для гунсы был характерен выборный характер должностей, всеобщее право голоса и равенство перед законом. Административная власть была сосредоточена в «главном управлении» (цзунтин, 总庭). В компетенцию цзунтин входило содержание здания компании и управление другими видами общественной собственности, поддержание дорог, троп через джунгли и крупных водных резервуаров, выплата содержания «чиновникам», финансирование военных мероприятий, организация праздников и т.д. Средства на все это черпались из разных источников. С населения взимались налоги – подушный налог с каждого дееспособного мужчины, месячный налог с опекурилен, налог на каждую забитую свинью. Есть также сведения, что налоговый контроль гунсы распространялся и на отдельные племена даяков, и плюс к тому последние должны были выполнять для гунсы некоторые работы вроде сбора хвороста. Через китайцев к даякам поступали табак и соль, что тоже давало некоторую прибыль. Власти также получали доход с выдачи лицензий на производство и продажу рисовой или пальмовой водки и содержание игорных заведений. Скорлыгина отмечает, что такой же тактики придерживались и гунсы Маньчжурии. На прииске Цяпигоу были за счет центральной казны сооружены игорные дома, сдававшиеся в управление победителю специального аукциона не более чем на месячный срок. Таким образом, обеспечивались стабильная краткосрочная прибыль, и к тому же надо учитывать, что в игорных домах старатели проигрывали свои собственные деньги уже после вычета процентного налога, уплачиваемого в казну. В каждом гунсы имелся свой административный аппарат. В среднем на каждом крупном месторождении было два старшины (хочжан, 伙长), осуществляющих общее руководство работами; три цайку (财库) — казначей, ответственных за хранение, учет и раздел добычи. Среди последних один был бухгалтером, другой – кассиром и третий – хранителем казны. Рабочими руководили восемь бригадиров (дингун, 鼎工); они также патрулировали промысловые желоба во избежание саботажа или случайных повреждений, а также смотрели, чтобы никто не украл золото из лежащей там глины. Постоянных вооруженных сил у гунсы не было, однако человек мог вступить в гунсы лишь на условиях участия в обороне. В случае возникновения опасной ситуации объявлялся всеобщий призыв и избирался предводитель войска. Гунсы было больше чем экономико-административным объединением. Все члены гунсы считались «братьями» (兄弟). Однако это распространялось только на лаокэ (старожилы). Но существовала и другая категория, синькэ – новоприбывшие иммигранты, которые, как правило, оказывались на Борнео, не имея возможности оплатить проезд, и гунсы, к которому принадлежали их земляки, вносило за них нужную сумму. Далее синькэ работал в долг, пока расходы гунсы не будут покрыты. Избавившись от долгов, новоприбывший иммигрант не был обязан оставаться в исходном гунсы, однако, как правило, он дожидался возможности стать его полноправным пайщиком. Каждый год в праздник Гуань-ди – в тринадцатый день восьмого месяца – в здании гунсы перед алтарем Дабогуна проходила церемония посвящения синькэ в члены гунсы. Глава гунсы,

говорить о типологически сходных чертах: наличие определенной контролируемой территории, квазиадминистративного аппарата, законов, побратимских связей, при благоприятных условиях экономическое и политическое подчинение местного населения.

Основной задачей подобных организаций, как и хуэйгуаней, было обеспечение наиболее комфортного ведения дел, минимизация издержек внутренней конкуренции, по возможности, обеспечение монополии на тот или иной вид деятельности, помощь членам общества, решение конфликтных ситуаций между ними, обеспечение коммуникации с русскими (иностранцами) властями.

Сведений о подобных китайских организациях в городах гораздо меньше, основной массив информации подобного рода относится к началу XX в. Дипломатический чиновник при приамурском генерал-губернаторе Н. Богоявленский, составивший в мае 1910 г. записку «Наплыв желтой расы в Приамурье», отмечал, что все рабочие одной специальности входят в союзы и действуют по указанию руководства союзов, в связи с чем между ними отсутствует конкуренция. В качестве примера Богоявленский приводил ситуацию в Хабаровске, разделенном китайскими водовозами на участки, при этом за каждым из них закреплялся определенный район¹. В 1898 г. во Владивостоке вспыхнула забастовка 260 шлюпочников. Из материалов дела ясно, что шлюпочники были объединены, у них были свои старшина и помощник старшины². В.В. Граве отмечал, что китайские общества организовались в незапамятные времена. «С присоединением Края к России общества эти сохранились и несомненно существуют до сих пор. Среди торговцев, каменщиков, плотников, водовозов, огородников, кирпичников, прислуги имеют свои разветвления в крае». На их существование

церемониймейстер и новые члены гунсы капали по капле своей крови в чашу с рисом и рисовой или пальмовой водкой, после чего каждый делал по глотку. После этого члены гунсы становились как бы кровными братьями, что подразумевало преданность друг другу до последнего вдоха. Освобождение от клятвы было возможно только с отъездом на родину, в Китай. Этот ритуал формально закреплял тот факт, что на нового брата с этого момента распространяется покровительство гунсы, а он в свою очередь обязуется следовать всем предписаниям, включая обязательство откликнуться на призыв к оружию. Для всех гунсы была характерна замкнутость, то есть существование определенных условий, ограничивающих доступ в гунсы или к его правящим структурам. Чаще всего условием было происхождение из определенного уезда или принадлежность к определенной фамилии. Во всех гунсы существовали свои законы. Как правило, они отличались исключительной суровостью (Скорлыгина Н.В. Китайцы-хакка в Южном Китае и Юго-Восточной Азии: XVIII–XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2005. 222 с. С. 75 – 81).

¹ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 763. Л. 137.

² ГАХК. Ф. П. 44. Оп. 1. Д. 593. Л. 75, 76.

указывали и возникающие иногда стачки или же искусственное, ничем неоправданное, взвинчивание цен¹.

Член Владивостокской городской управы В. Михайловский в письме в редакцию газеты Дальний Восток (1894) сообщал, что китайцы на своем собрании приняли решение не перевозить своих грузов на судах японских пароходных компаний. «Кагал обязал исполнять сказанное постановление не только тех китайцев, кои производили торговлю, но и тех, кои впоследствии открыли бы здесь свою торговлю»². Что стоит за термином «кагал»? Определенное землячество, торговый или профессиональный хуэйгуань, легальное китайское общественное управление, пока эти вопросы остаются открытыми.

Не имея возможности напрямую управлять китайским населением и контролировать его, в конце XIX в. русские власти предприняли попытку легализовать на основе русского законодательства имевшиеся в русских городах китайские организации.

15 февраля 1891 г. были изданы особые правила об общественном управлении китайского и корейского населения. В пункте 1 оговаривалось, что «каждое отдельное китайское и корейское общество составляется из проживающих в известных городах и селениях Приморской области китайцев и корейцев, имеющих русские билеты на жительство». Главным являлся общественный старшина. Кандидатуры старшин после их избрания на должность утверждались полицмейстером и военным губернатором. На старшин возлагалась ответственность за сохранение порядка и спокойствия в пределах своих обществ. Обязанности, вмененные обществам, были довольно обширны. Их можно разделить на несколько групп: связанные с поддержанием жизнедеятельности общества (найм помещения для канцелярии, выплата жалованья и т. п.); благотворительная деятельность (уплата за лечение в госпиталях, погребения умерших, призрение престарелых, дряхлых, увечных членов общества, оказание помощи в случае стихийных бедствий); меры по обеспечению лояльности китайского населения русской администрации.

Правом голоса в обществе пользовались лишь те лица, которые имели недвижимость, торговлю, занимались «другого разного рода промыслами». Китайцы, принадлежавшие к обществу и имевшие право голоса, могли участвовать в общественном сходе. Решения схода имели силу лишь в том случае, если на нем присутствовали полицейский чиновник, старшина или его заместитель и не менее половины членов, имеющих право голоса.

¹ Граве В.В. Указ. соч. С. 104.

² Дальний Восток. 1894. № 5. С. 3.

Объем полномочий старшин был равен полномочиям волостного старшины. Старшины могли назначать на общественные работы совершивших маловажные проступки (до 3 дней), взимать с них денежные штрафы в пользу общества (до 3 руб.), брать под арест (не более 2 дней). Для разбора более сложных дел военным губернатором учреждался общественный суд, состоявший из выборных судей.

Особенность этих правил заключалась в том, что они создавались русской администрацией и, следовательно, регулировали те ситуации, которые причиняли ей массу хлопот и недоразумений. В них ясно зафиксировано желание русской администрации установить свой контроль над китайцами: все значимые шаги могли предприниматься либо с ведома администрации или полиции, либо при непосредственном участии ее представителей.

Китайские общества были созданы в Хабаровске, Владивостоке, Никольске-Уссурийском. В 1894 г., подводя итоги трехлетнего существования, местные администраторы позитивно оценили их деятельность. Но была и оборотная сторона медали — общества способствовали сохранению обособленности азиатских мигрантов, поэтому в период с 1898 по 1901 г. китайские общества были закрыты. Отметим что, в общих чертах функции этих организаций поразительным образом совпадают с функциями хуэйгуаней. Подобным путем шла не только русская администрация. В Сингапуре колониальные власти использовали китайский хуэйгуань как средство контроля за обществом и, следуя этому курсу, даровали престиж, власть и законность подобным организациям и их лидерам¹.

Еще более сложной для изучения представляется история небольших товариществ, создававшихся китайцами в индивидуальном порядке. На это обращали внимание Д.И. Шрейдер, Н. Холодов, В.К. Арсеньев, Л. Иванов. Отмечая, что среди китайцев развиты чувства товарищества и братства, они приводили в качестве примера обычай «кады», целью которого являлось установление побратимских связей². Газета «Дальний Восток» в 1894 г. писала: «Чувство товарищества и даже братства в высшей степени развито между уссурийскими манзами. ... Ежегодно во время праздников китайского нового года собираются товарищества манзов, человек 50 и более, а иногда до 100 человек в каждом... Пишут на бумаге взаимное обязательство о братстве и отправляются в храм... Кады, можно с уверенностью сказать, существует между нашими рабочими манза-

¹ Wing Chung Ng. *Op. cit.* P. 493.

² Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 92-93; Иванов Л. Цзинь-лань-пу // Вестник Азии. 1914. № 30. С. 5; Холодов Н. Уссурийский край. СПб., 1908. С. 39; Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб. 1897. С. 109.

ми, живущими в Хабаровске. На мой вопрос к работавшему у меня подрядчику китайцу, почему он приводит на работу вот такого-то плохого работника, я не раз получал ответ «моя его прогони нельзя, худо работай — твоя прогони, моя тогда ничего»¹.

Русские власти, в принципе зная о существовании подобных обществ, редко получали достоверную информацию о них. Однако в 1903 г. во Владивостоке удалось установить поименно членский состав двух братств — «Братства единоклюшья» и «Братского товарищества». Материалы расследования и допросы участников на сегодняшний день являются уникальным историческим источником. «Братства», созданные в октябре и ноябре 1903 г. имели небольшой численный состав. «Братское товарищество» насчитывало 13 человек, «Братство единоклюшья» — 24. Обе организации образовались по знакомству. Целью товариществ являлась помощь их членов друг другу в «материальной нужде». По свидетельству побратимов, подобные общества широко распространены в Китае и возникли во Владивостоке с самого начала появления в нем китайцев. «Таких обществ во Владивостоке много, много их и в Китае, но нам во Владивостоке они еще нужнее, чем в Китае. Не имея здесь ни жен, ни дочерей, которые могли бы за нами ухаживать в случае болезни, мы дали, по нашим обычаям, друг другу клятву в кумирне, что будем друг другу помогать, вести себя прилично и почитать старших». Существование подобных обществ, по свидетельству китайцев, «не сколько не скрывалось и не скрывается». Традиционно на оборотной стороне новогодних визитных карточек китайцы Владивостока писали, к какому обществу они принадлежат. В ходе расследования удалось получить информацию еще о пяти подобных организациях, лично известных допрашиваемым. Однако, как отметили китайцы, подобных обществ намного больше.

По свидетельству С.Л. Ивановича, проводившего расследование, «члены упорно и решительно отвергают название «общество», «товарищество» и т. п., а те, которые говорят по-русски, величают своего сочлена обыкновенно «крестный брат». В списке на красном коленкоре кроме имен товарищей, имеется и перечень членов семейства каждого из них. Это объясняется тем, что «каждый член семейства, вступивший в товарищество, становится родней: братом, отцом, матерью и т. п., а так как это не настоящий брат или отец, но тем не менее по значению ничуть не меньше настоящего, то китайцы, определяя его положение, по-русски прибавляют слово «крестный», показывая этим, что им известно, что и у русских крестный отец часто заменяет родного отца».

¹ Дальний Восток. 1894. № 19. С.4.

Во главе обоих обществ стоял старшина - Чин-гон-у, избранный «как состоятельный и почтенного возраста человек». Однако с точки зрения русских властей репутация у Чин-гон-у была неважная: проживавший в центре города, он занимался банковками, опиумокурильнями и тайной проституцией среди китайцев. Согласно показаниям Чин-гон-у, прибывшего в Россию около 1876 г., «старшиной выбирают потому богатого, чтобы он помогал бедным, как деньгами, так и привлечением занятия, вообще оказывал всякое содействие в случае нужды». Кроме благотворительных функций на старшину возлагались и обязанности иного рода. Член одного из обществ Ма-ли-не, проживший в России 6 лет, сообщил, что «... если кто-нибудь из членов общества ведет себя скверно, пьянствует, ворует, дерется, то старшина имеет право высечь его в кумирне и выслать на родину, для чего члены общества собирают между собой деньги и отправляют». Несмотря на отрицание Чин-гон-у фактов телесных наказаний, Ивановичу удалось установить, что старшина обладал правом наказывать провинившегося члена общества 40 ударами палок и 25 рублями штрафа. При повторном нарушении правил человек исключался из братства и обязывался покинуть местность, где оно находится. Оказалось, что сходными правами обладали и старшины других обществ. Согласно показаниям Ван-тай-до, прожившего в России 14 лет и состоявшего десятником при полиции в распоряжении П.В. Шкуркина, «большинство китайцев во Владивостоке состоит в подобных товариществах».

В 1911 г. по поручению приамурского генерал-губернатора был продолжен сбор сведений о китайских, корейских и японских обществах. Список китайских обществ удивляет своей скудостью, но в принципе отражает уровень знания местной власти о ситуации на местах: три легализованных общества взаимного вспомоществования (Владивосток, Никольск-Уссурийский, Хабаровск) и полный информационный вакуум о том, что делается на остальной территории. В докладной записке приамурскому генерал-губернатору сообщалось, что в Никольск-Уссурийском, Удском, Хабаровском уездах легальных китайских обществ нет. В Иманском уезде в Спасской слободке приставу и начальнику уезда было известно одно китайское общество. Его члены выбрали старшин и на собраниях решали жизненно важные вопросы, причем «решениям своего схода китайцы подчинялись беспрекословно». Ситуация не изменилась и после того, как пристав разъяснил, что «эти решения никакой силы не имеют, т.к. китайского общества не существует»¹. Из Ольгинского уезда сообщали, что нелегальные общества существуют повсеместно. «Они являются следствием национальных обычаев ... китайцев,

¹ РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190. Л. 109.

по которым каждые 5-6 фанз организуются в общества и разбираются в вопросах своей внутренней жизни через уважаемых лиц своей среды. Эти люди разбирают ссоры, недоразумения, столкновения на основе законов национального обычного права»¹.

После учреждения в Китае торговых палат эти организации появляются и на русском Дальнем Востоке. Три из них – во Владивостоке (апрель 1907 г.)², Хабаровске (январь 1910 г.), Никольске-Уссурийском (февраль 1910 г.) – были официально разрешены русской администрацией, остальные (в Шкотово, Благовещенске, Петровке и др.) действовали без получения разрешения. В.К. Арсеньев указывает, что основание Владивостокского общества взаимопомощи относится к 1881 г., Хабаровского к 1889 г.³ В 1900 г. военный губернатор Приморской области дал разрешение хабаровским китайцам на избрание старосты и представителей, а также дозволил сбор денег на содержание сыщиков и другие нужды. Китайские купцы «коммерческим старостой» избрали Ван Венсана, который в течение последующих 10 лет «безвозмездно» исполнял «обязанности выборного от китайского населения»⁴. Так как закон о торговых палатах в Китае был опубликован в 1904 г., логично предположить, что речь идет о торговых хуэйгуанях или гунсо, существовавших без официального разрешения российских властей. Впоследствии эти уже существовавшие структуры были реорганизованы в торговые палаты и признаны русской администрацией. К сожалению, отсутствие подробных сведений не позволяет сделать какие-то более определенные выводы.

Стоит отметить, что русские и китайские названия обществ отличались. Если по-русски общества назывались «Владивостокское китайское общество взаимного вспомоществования» и «Хабаровское китайское общество взаимного вспомоществования», то по-китайски их именовали «Владивостокское главное торговое общество»⁵ и «Хабаровская Китайская Торговая Палата».

Цель деятельности первого общества определялась так: «...развитие более тесного взаимного единения между членами общества,

¹ Там же. Л. 109.

² К лету 1908 г. было открыто 17 отделений торговых палат за границей, из них 10 действовало во владениях Нидерландской Индии. В 1905 г. – Манила, 1906 г. Сингапур, Нагасаки, Батавия, 1907 г. – Пенанг, Семаранг, Сурабайя, Селангор, Соло, Джакарта, Понтианак, Янгон, 1908 г. – Бали, Владивосток, Прианган, Макассар, Ампенан. За 11 лет, с 1905 по 1915 г., за границей было основано 68 отделений (Chen Laixing. Structure and Flexibility in the Chinese Business Network: Chinese Chambers of Commerce Overseas // XIV International Economic History Congress, Helsinki, 2006 // <http://www.helsinki.fi/iehc2006/papers2/Chen.pdf>).

³ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 238.

⁴ Нестерова Е.И. Указ. соч. С. 241.

⁵ Хайшеньвей хуашан цзунхуэй.

способствующего улучшению их быта в материальном и духовном отношениях»¹. Общество создавалось для сбора торговых сведений, для изучения и развития торговли и торговых наук, составления свода китайских торговых обычаев и перевода его на русский язык, выдачи, по требованию русской администрации, справок о кредитоспособности, размере торговых оборотов и других сведений, касавшихся своих членов, поддержки общих выгод и выработки цеховых уставов, найма особых «сыщиков» и городских в целях обеспечения мирной торговли в крепости Владивосток, нарушаемой хунхузами. Уставом предусматривалось оказание помощи соотечественникам: содействие в трудоустройстве и возвращении на родину, снабжение бедных пищей, временным приютом, больных — медицинскими пособиями, что давало основания считать общество благотворительным. Число членов общества не ограничивалось, таковым мог стать любой китайский подданный во Владивостоке, но в него не принимались несовершеннолетние, злостные банкроты, должники, лица, не пользовавшиеся уважением, хунхузы, «занимающиеся низкими профессиями» и ряд других категорий населения. Все члены общества, кроме почетных, равны между собой и пользовались равными правами.

Во главе исполнительного органа общества (комитета) стоял председатель. В комитет избирались уважаемые китайцы, имевшие торговое дело или недвижимость, в возрасте старше 25 лет. Председатель должен владеть китайским и русским литературными языками, его возрастной ценз повышался до 30 лет. Разделы Устава о составе общества, его комитете, вопросах, находившихся в их ведении, составлены по канве правил, выработанных министерством торговли и промышленности Китая. Процедура регистрации обществ была довольно сложной. Получив у местных властей разрешение на открытие, общества через консульства проходили регистрацию в Пекине, там же официально утверждались печати общества. Со временем русской администрации стало известно, что члены комитета за свою деятельность получали особые знаки отличия — медали.

Общества являлись звеньями огромной цепи официальных учреждений, рассмотренных выше. По сведениям цензора по иностранной печати на восточных языках во Владивостоке А.Н. Занковского, подобные общества существовали «в каждом городе и селе края», причем либо типа «главных», либо типа «отделов», которые делились на большие (дахуй) — в Шкотово, Владимиро-Александровском, Ольге, и на меньшие (сяохуй) — в Зиньковке,

¹ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 304. Л. 70.

Петровке и других населенных пунктах¹. О.В. Залесская отмечает существование в других населенных пунктах области мелких китайских обществ «хуацяо шанхуэй» («китайских торговых обществ»), «хуацяо лянхэхуэй» («национальных ассоциаций»), «хуацяо сечжухуэй» («обществ взаимопомощи»)².

Для координации деятельности таких обществ на первом Всекитайском съезде купцов (торговцев), прошедшем в 1907 г. в Шанхае под председательством Ли Юньшу, выходца из Нинбо, главы Шанхайской торговой палаты была создана Китайская торговая ассоциация (Хуашан Лянхэхуэй), объединившая деятельность торговых палат в Китае и нескольких зарубежных отделений общества³. В.К. Арсеньев отмечал, что все торговые общества в Уссурийском крае находятся в полнейшей зависимости от шанхайского общества⁴. Именно оттуда высылались расценки на скупаемые в крае женьшень, панты, меха, морскую капусту, трепангов, крабов и другие продукты промысла, искусственно повышая или понижая их в зависимости от обстоятельств⁵. Зачастую Владивостокское отделение по поручению купцов, находившихся в Китае, взыскивало деньги с должников, проживавших во Владивостоке. Аналогичные поручения давались Владивостокским отделением подобным обществам в Китае⁶. Н. Богоявленский отмечал, что они являются биржей, где совершаются сделки как на товары, так и на фонды; судом, разбирающим как гражданские, так и уголовные дела; клубом, куда собираются члены для развлечения, где устраиваются торжества по случаю национальных китайских праздников и другим случаям; политическим обществом, где обсуждаются разные вопросы внутренней и внешней политики Китая.

¹ В.К. Арсеньев к этому списку добавляет пост св. Ольги, Барабаш, Шкотово, Новокиевск, Черниговку, Спасское, Лутковку, Анучино, реки Иман и Сучан и тоже замечает, что список можно продолжать. Известно о существовании торговой палаты в Благовещенске (Хайхэ шанью цзунхуэй) и ее отделений в Зее, Пашкове, Иннокентьевской, Джалинде. Китайское население Благовещенска неоднократно подымало вопрос о легализации общества, но областная администрация отнеслась к решению этого вопроса отрицательно. (Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 237; Нестерова Е.И. Указ. соч. С. 244).

² Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938). Владивосток, 2009. С. 25.

³ Chen Laixing. Op. cit.

⁴ Отметим, что шанхайские купцы были традиционно активны в Уссурийском крае. Газета «Дальний Восток» в 1894 г. писала, что основные скупщики корня – шанхайские купцы, посылающие каждый год своих агентов во все уголки Уссурийского края. Так по Улахэ оперирует некто Сонтай, скупающий корень, соболей, панты. Покупается все это не на наличные деньги, а на векселя, расписки Шанхайских купцов. Векселя эти различной стоимости от 1 рубля до 50. К известному времени года все векселя погашаются во Владивостоке. (Дальний Восток. 1894. № 117. С. 5).

⁵ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 239.

⁶ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 1001. Л. 5.

Эти общества благополучно пережили революцию и закончили свое существование лишь в 20-х гг. XX в.

По фрагментарным и косвенным свидетельствам можно прийти к заключению, что на российском Дальнем Востоке были широко распространены земляческие объединения. К сожалению, материал, которым располагает автор, крайне скуден. Так, известно, что в Благовещенске в качестве отделов торгового общества существовали Шаньдунское землячество и землячество уроженцев других провинций («пришедшие издалека»). Шаньдунское землячество совместно с торговым обществом содержало богадельню в г. Сахалине¹. О.В. Залесская отмечает, что владивостокскому обществу подчинялся ряд землячеств, решения которых в свою очередь были непреложными для китайских рабочих². Анализ биографий китайских купцов демонстрирует, что зачастую важным критерием приема на работу являлось единство места исхода.

На российском Дальнем Востоке действовали китайские тайные общества: религиозные секты и общества, основным способом существования которых была противоправная деятельность – различного рода бандитские (хунхузнические) группировки, союзы типа общества «Яньбан» (Братство опиумных контрабандистов), члены которого промышляли транспортировкой и торговлей опиумом, «Общества хозяев игорных домов»³.

Маньчжурские власти считали наиболее склонными к хунхузничеству выходцев из провинций Шаньдун и Чжили. В Маньчжурии нищие шаньдунцы могли рассчитывать только на низкооплачиваемую «черную работу», поэтому вчерашние батраки легко переходили черту законности⁴. Сведения об их внутренней организации крайне скупы. В.К. Арсеньев считал, что в Уссурийском крае действуют хунхузские шайки, приходящие из Маньчжурии, и местные хунхузы. Первые не заходили далеко вглубь края, а в основном действовали в прибрежном районе залива Петра Великого, на Посьетском участке, по долинам рек Суйфун и Уссури, в полосе железной дороги. После набегов, боясь преследования казачьих отрядов и местных воинских команд, они уходили в Маньчжурию. Вторые прекрасно знали местность, расположение русских отрядов, могли затеряться среди проживавших на данной территории китайцев, что

¹ Нестерова Е.И. Указ. соч. С. 244.

² Залесская О.В. Указ. соч. С. 26.

³ Сухачева Г.А. Китайские тайные общества во Владивостоке в к. XIX – н. XX в. // Китай, китайская цивилизация и мир. М., 1993. Ч. 2. С. 69.

⁴ Ершов Д. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке». М., 2010. С. 12.

значительно облегчало их преступную деятельность и расширяло ее географию¹.

Известно, что шайки хунхузов имели сложную структуру. Д. Ершов, проанализировав структуру маньчжурских хунхузнических организаций, определяет их численность от 3-5 до нескольких сотен человек. Оптимальное количество – 50. Во главе атаман, либо выборный (даньця ды), либо ставший таковым благодаря своему авторитету (чжангуй или даланьба). Иногда главарю подчинялось несколько шаек, тогда он именовался дацзя ды (глава большого дома). Следующая ступень – «офицеры», старшими из которых являлись бань даньця ды («половина главы дома»), паотоу («пушечная голова») – начальник передового отряда, цуйцуй ды («подгоняющий») – начальник арьергарда; лилянтай («внутренний интендант») – распределял продовольствие, вайлянтай («внешний интендант») – осуществлял заготовки на стороне. В шайке мог быть делопроизводитель цзыцзяньбу («мастер письма»). Все члены шайки были связаны узами побратимства и именовались сюнди («братья»). Атаман вне зависимости от возраста считался отцом ее членов. В его отношении употреблялось обращение дае или лао дае².

По свидетельству китайских купцов, торговавших во Владивостоке, в банде могло состоять до 400 человек, однако непосредственных исполнителей было приблизительно 120. Занимавшиеся грабежами и налетами разбивались на группы в пять, десять, пятнадцать, двадцать человек, изредка численность доходила до сорока. Остальные работали прислугой, поварами, лакеями у русских чиновников, офицеров, в дорогих ресторанах. Неплохо владея русским языком, они собирали и передавали информацию сообщникам. В случае возникновения осложнений у каждого из них был влиятельный русский покровитель, гарантировавший их честность и лояльность по отношению к русским властям³.

По мнению Д. Ершова, хунхузы вполне могли занять на северо-востоке Китая ту нишу, которая на востоке и юге страны принадлежала хуэйданам – «Братству Южного Кулака», «Секте Белого лотоса», «Союзу Большого меча» и триадам. Они близки к подобным тайным обществам по таким параметрам, как ненависть к правительству и декларируемое стремление к социальной справедливости, наличие обрядов при приеме в члены братства и братский характер отношений между ними; строгая конспирация, включая выработку секретного языка⁴.

¹ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 195.

² Ершов Д. Указ. соч. С. 20.

³ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 579 а. Л. 308 об.

⁴ Ершов Д. Указ. соч. С. 25.

Религиозная жизнь китайцев в русских дальневосточных городах является малоизученной темой. По сведениям В.В. Граве и Л. Иванова, во Владивостоке действовало общество Цзайли. Центральный комитет его находился в Тяньцзине, отсюда два раза в год в Приморскую область приезжали агенты для сбора денег. Отделение общества находилось во Владивостоке и насчитывало около 1000 человек. Собрания проходили в Барабаше и во Владивостоке¹. Целью общества Цзайлицзяо, по сведениям, содержащимся в одной из публикаций того времени, являлось «воздержание от опекурения, пробуждение национализма в Китае и проведение реформ». В. Граве высказывал подозрение о возможной связи последователей Цзайлицзяо и хунхузов — «члены общества участвуют в деятельности хунхузов для пополнения общественных средств»². Этой же точки зрения придерживался генерал Н. Орлов, считавший, что в Засунгарийском крае «секта у-ши-минов» (и-хэтуань, цзай-ли, постников) на 80% состояла из хунхузов³.

Определенное представление о деятельности общин Цзайлицзяо во Владивостоке дает документ, опубликованный Л. Ивановым: «... во Владивостоке есть общество Цзайли, которое по виду занимается самыми возвышенными целями. Оно помогает больным, сиротам, вдовам, члены этого общества не курят и не пьют»⁴. Далее он отмечает немногочисленность общества, в документе упомянуто всего 12 членов, выдвигая предположение, что, возможно, это — филиал. «Документ называется „Цзай-ли-ди-цзинь-лань-пу» и гласит следующее: Вообще в мир пришло Дао от бога Ян-цзу (Нань-хай-даши). Чтобы вернее достигнуть Дао, мы должны делать добрые дела, любить друг друга и вообще помогать другим людям. Всякий, при встрече с бедной вдовой или с сиротой, не имеющей денег, должен действительно, не теряя времени понапрасну, пожалеть их. Увидев старика, мальчика или больного, нужно скоро и непременно оказать им помощь. Не нужно производить драк, не следует раздражаться. За отцом и матерью нужно ухаживать изо всех сил, к братьям относиться как к лучшим гостям. Не надо смотреть на гордых людей. Следует избегать гордых слов. Даже из-за пустяков не надо сердиться, потому что и из-за малого можно умереть. Если же сохранить сердце чистое и непорочное, тогда не трудно будет войти в соприкосновение с Дао. Нужно бояться, так как ум человеческий имеет предел и ошибки избежать очень трудно. По этой причине будем помогать Другим людям подобно друзьям, и благодаря единению мы скорее

¹ Граве В.В. Указ. соч. С. 112.

² Граве В.В. Указ. соч. С. 112–113.

³ Орлов Н. Забайкальцы в Маньчжурии в 1900. СПб., 1901. С. 119.

⁴ Иванов Л. Указ. соч. С. 17.

достигнем Дао. Вследствие этого мы, 12 человек, клянемся, что все будем поступать согласно тексту Лань-пу. Если же найдется такой, который преступит этот акт, то, кроме штрафа, он должен три дня стоять на коленях, и его имя и фамилия должны быть вычеркнуты из списка, и он сам должен быть выгнан вон и не может быть принят обратно как последователь Дао. Из опасения, что устная клятва не будет иметь веры, мы заключили это Цзинь-лань-пу. Каждый человек имеет копию.

Далее, как и всегда, следуют подписи участников, в конце стоит „клянемся» и имя бога Нань-хай-да-ши»¹.

Иванов в своем комментарии отмечал: «Нельзя категорически утверждать, что это общество преследует чисто политические цели, но по аналогии, потому что так бывало не раз, можно с уверенностью предсказать, что если оно не занимается политикой сейчас, то в недалеком будущем благодаря переменам в Китае станет одним из очагов политической пропаганды. Последователей его узнать очень легко. На новый год они вывешивают в противоположность другим китайцам не красные, а желтые полосы бумаги с изречениями»².

Община (а вернее сказать — общины) Цзайлицзю продолжала свою деятельность во Владивостоке и после прихода к власти большевиков. В первой половине 1920-х гг. во Владивостоке действовало по крайней мере два *гунсо*: одно в доме «Ван Лаоу юань» (ул. Семёновская, д. 8) и второе в доме, именуемом «Ваньшэн юань»³.

Таким образом, китайские общества на Дальнем Востоке могут быть разделены на три основные группы:

- 1) общества, не легализованные русскими властями, включая тайные общества конспиративного типа;
- 2) общества, легализация которых была инициирована русскими властями;
- 3) общества, легализованные по инициативе китайцев.

Нелегализованные общества

1. *Организации китайских промысловиков, чернорабочих, земледельцев.* Существование таких обществ вне городов было ранее всего зафиксировано русскими чиновниками и исследователями (Е.С. Бурачек, о. Палладий (Кафаров), И. Надаров). Сведений о подобных китайских организациях, действовавших в городах, гораздо меньше. Анализ имеющихся сведений вынуждает констатировать факт существования подобных организаций в русских городах, однако от-

¹ Иванов Л. Указ. соч. С. 17-18.

² Иванов Л. Указ. соч. С. 18.

³ Подробнее см.: Тertiцкий К.М. Указ. соч. С. 324.

сутствие источников не дает оснований для изучения их структуры, персонального состава, численности, географии распространения.

2. *Побратимские организации.* Не вызывает сомнения существование ассоциаций, как в городе, так и вне его, основанных либо на родственной связи членов, либо на квазиродственной (ритуал побратимства («братства»)). Это небольшие товарищества, создававшиеся китайцами в индивидуальном порядке. Основой для их создания стал обычай «кады», целью которого являлось установление побратимских связей. Подобные общества имели широкое распространение в Приамурье, однако до 1903 г. достоверной информации о них русская администрация не имела.

3. *Земляческие объединения.* Важную роль в структуре китайского сообщества в целом играли землячества. Китайский историк Линь Цзюнь заметил: «Союз китайских рабочих [созданный в апреле 1917 г. в Петрограде Союз китайских граждан в России, в декабре 1918 г. был переименован в Союз китайских рабочих. — Е.И.] явился первой китайской организацией в России, объединившей китайцев не на принципах землячества, а независимо от места их рождения»¹.

Кроме того, к нелегализованным обществам отнесены религиозные организации и тайные общества конспиративного типа.

Общества, легализация которых была инициирована русскими властями. История этого типа организаций связана прежде всего с попытками русской администрации в 80-е гг. XIX в. поставить под контроль деятельность уже существовавших нелегальных китайских обществ. Несмотря на фрагментарность и скудость сведений можно предположить, что сложившиеся в среде китайских мигрантов на территории российского Дальнего Востока структуры могут быть отнесены к типу «торговый и профессиональный хуэйгуань».

Общества, легализованные по инициативе китайцев. К этой группе относятся так называемые «китайские торговые общества» возникшие после принятия «Временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г.». Разделы Устава о составе общества, его комитете, вопросах, находившихся в их ведении, были составлены по канве правил, выработанных министерством торговли и промышленности Китая, и утвержденных 29 декабря 1903 г. императором.

Таким образом, как и других странах, в России китайское общество, находившееся в том или ином населенном пункте было не гомогенным, а достаточно сильно сегментированным, причем к началу XX в. эта сегментация обрела свои законченные институциональные формы, основа которых восходила к традиционным китайским формам самоорганизации.

¹ Залесская О.В. Указ. соч. С. 46.